

НА ЯРМАРОЧНОМ ПОЛЕ

ХАЛЛОУ-ХИТ

ЧТО В ГРАФСТВЕ ВУСТЕР, НА ЕЖЕГОДНОЙ
КОННОЙ ЯРМАРКЕ ВОЗЛЕ НОВОГО
БИРМИНГЕМСКОГО КАНАЛА

сего дня, 12 сентября 1838 года

от Рождества Христова, состоится

ДОЛГОЖДАННОЕ СОБЫТИЕ
В МИРЕ БЛАГОРОДНОГО ИСКУССТВА

КУЛАЧНОГО БОЯ!

ПОВТОРЕНИЕ ПОЕДИНКА

ДЕСЯТИЛЕТНЕЙ ДАВНОСТИ, ПРОШЕДШЕГО В ХАРПЕНДЕНЕ!

ВЫРАЖАЕМ БЛАГОДАРНОСТЬ АНОНИМНЫМ
МЕЦЕНАТАМ, ПРИНЯВШИМ УЧАСТИЕ
В ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИИ ЭТОГО
ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО РЕВАНША.

ЧЕСТНЫЙ И БЛАГОРОДНЫЙ ПОЕДИНОК
ЗА ПРИЗ РАЗМЕРОМ

В ТРИДЦАТЬ ГИНЕЙ

ДЛЯ ПОБЕДИТЕЛЯ,

а также вознаграждение

В ДВАДЦАТЬ ГИНЕЙ

для проигравшего.

ПРИЗЫ
ПРЕДОСТАВЛЕНЫ

высококочтимым и широко известным

ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ МЕСТНОГО ДВОРЯНСТВА

Перед публикой предстанет великий и непобедимый
чемпион Стаффордшира

УИЛЬЯМ ПЕРРИ

также известный как Билл Перри и

ТИПТОНСКИЙ ГРОМИЛА

который испытает навыки боя и кулаки
из стаффордширского железа на своем противнике

ТИМОТИ ХИНИ

по прозвищу

ИРЛАНДСКИЙ УРАГАН

показавшем себя весьма достойным и грозным
поединщиком как на родине, так и на различных
состязаниях в Англии.

Увлеченные спортом джентльмены получат
МНОЖЕСТВО возможностей, которые предоставляет
этот **ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОЕДИНОК**

**Просим дам убедиться, что они готовы к встрече
с мощью и величием двух титанов ринга!**

**ПОЕДИНОК НАЧНЕТСЯ ОКОЛО ПОЛУДНЯ,
ПОСЛЕ ЗАВЕРШЕНИЯ ТОРГОВ**

Для взносов в пользу обоих **БЛАГОРОДНЫХ**
атлетов будет пущена по кругу шляпа,

**НО РАЗВЛЕЧЕНИЕ СОВЕРШЕННО
БЕСПЛАТНО ДЛЯ ВСЕХ, КТО ЖЕЛАЕТ
НАСЛАДИТЬСЯ ЯРОСТЬЮ И СПОРТИВНОЙ
УДАЛЮ БОЙЦОВ!**

РЕВАНШ ПРОЙДЕТ ПО ПРАВИЛАМ *ДЖЕКА БРОТОНА*
ПОД ПРИСТАЛЬНЫМ НАБЛЮДЕНИЕМ НАЗНАЧЕННОГО
АРБИТРА *МИСТЕРА ЭВАНСА* И ХРОНОМЕТРИСТА
МИСТЕРА БАРРОУМЭНА

Пролог

Итан, Пенсильвания, 1906 год

Джинни Бранд стояла перед хозяйкой и размышляла о причинах диковинного события — иначе и не назовешь вызов с кухни в одиннадцать часов прекрасного осеннего утра. Впрочем, любопытно уже то, что ее вообще позвали.

Она всего во второй раз видела гостиную. И впервые с девушкой разговаривала сама хозяйка. Старуха общалась с прислугой только через дядюшку Кенни. Именно он и ворвался в кладовую, где Джинни запечатывала банки с яблочным компотом, и удивленным голосом сообщил:

— Джин, хозяйка хочет с тобой поговорить.

Он протянул руку Джинни, не меньше нее изумленный этой странной просьбой, хотя знал, что в последние несколько месяцев хозяйка время от времени начинала чудить. С октября Кенни уже трижды видел у крыльца усадьбы двуколку поверенного Салливана.

Теперь Кенни беспокоило, что юную родственницу, которую он в прошлом году привез из Файфа, где жила его семья, позвали в дом так неожиданно и так некстати. В усадьбе редко случались события, которые хозяйка не обсуждала бы с Кенни. Но старуха была себе на уме и знала о слугах и о событиях в деревне много такого, что ей не могла рассказать ни одна живая душа.

Кенни на секунду остановился и посмотрел на племянницу. Она была рослая, выше него самого, и такая же ясноглазая и вспыльчивая, как и его мать.

Только на прошлой неделе в очереди у пекаря она за-
теяла ссору и поколотила дюжюу валлийку.

— Уж точно шотландские леди так себя не ведут, мистер Кен, — заметил кучер Дэн Уайт, рассказав Кенни о происшествии, которому сам стал свидетелем, ожидая на козлах, пока Джинни покончит с утренними поручениями.

А еще девчушка любила петь, занимаясь домашней работой. У нее был мелодичный голос, и она предпочитала баллады Робби Бёрнса, всегда радовавшие слух Кенни. Они напоминали ему о крошечной деревеньке на вершине холма на берегу Форта, где он рос до переезда в Америку, где мужчины трудились в шахтах, а женщины белили холсты в полях. Голос у девушки был теплый и нежный, будто летний дождь, но теперь Кенни беспокоился, не потревожил ли он хозяйку, долетев из нижних коридоров до ее салона наверху.

— Надеюсь, ей не рассказали о твоём позорном поведении в пекарне в прошлый вторник, — торопливо поднимаясь по задней лестнице, ворчал он на Джинни, отряхивающую с фартука пыль и кусочки яблочной кожуры. — А может, ты беспокоишь ее песенками, которые распеваешь целый день.

— Она и слыхом не слыхивала о пекарне, Кенни... Откуда ей?

— Не знаешь ты ее, милая. А на кону моя репутация. Это я за тебя поручился и привел в усадьбу, не забывай. — Он подтолкнул ее к двери гостиной. — Храни тебя Господь, если хозяйка недовольна. И не вздумай упоминать о заварушке в очереди к пекарю.

Джинни постучала и услышала из-за двери негромкое хриплое: «Войдите».

Хозяйка сидела у окна. На фоне яркого утреннего солнца был виден лишь ее силуэт с изящной тонкой

шеей и забранными в тугой пучок волосами. Джинни вошла в гостиную и неловко присела в реверансе.

— Вы хотели меня видеть? — пробормотала она.

Старуха повернулась, и ее лицо скрыла густая тень.

— Подойди поближе, девочка, — сказала она, и Джинни послушно шагнула вперед. — Вот. Возьми меня за руки, — велела хозяйка.

Джинни едва не вздрогнула, коснувшись узловатых, скрюченных рук — блестящих, словно полированное красное дерево, изрезанных тысячами крошечных морщинок, но при этом невесомых, легких и воздушных, словно гусиные перья. Костяшки пальцев были усеяны шишками и ямками, словно крошечный горный хребет, и сквозь истончившуюся смуглую кожу проглядывали старые сероватые кости. Гладкие белые пальцы Джинни, сжимавшие ладони старухи, напоминали весенний цветок, распустившийся посреди кучи мусора.

Хозяйка сказала:

— Только руки у меня и были, девочка.

Джинни попыталась улыбнуться и ответила:

— Да, госпожа.

— У тебя красивые пальцы, — заметила та. — Когда-то, давным-давно, и мои были такими же. Они стали моей судьбой и моим счастьем.

Джинни посмотрела старухе в лицо. Ее глаза отливали пугающей темной зеленью мельничного пруда. Девушка стала размышлять о ее голосе: каков он? Говор у хозяйки странный — не шотландский, не ирландский, не валлийский. Он не походил ни на американскую речь, ни на зычный акцент немцев или голландцев. В нем не было ни итальянской ритмичности и напевности, ни еврейской гортанности. Не слышалось в нем ни протяжности и насмешливости, какую ей доводилось встречать у негров, ни отрывистого уверенного стрекота англичан.

Хозяйка прикрыла глаза, откинула голову и, слегка кивнув, произнесла:

— Я видела, Джинни Бранд, как ты отделала ту здоровую девку в очереди у пекарни.

Джинни покраснела и сморщилась, но хозяйка только радостно хохотнула, трясясь всем своим тощим телом.

— Поделом ей досталось, верно? Ты напоминаешь мне одну прелестную юную барышню, которую я когда-то знала. Это было очень давно.

— Простите, госпожа. Да, я тогда вспылила. Но наш Кенни об этом ничего не знал. Та девка стала цепляться ко мне, потому что я из Шотландии. Вот я и взбесилась. Мне очень жаль, если это доставило вам какие-то неприятности, госпожа.

Хозяйка улыбнулась, обнажив крепкие белые зубы, и похлопала Джинни по руке:

— Ну и здоровенная же была толстуха, да?

Ободренная озорной улыбкой на старческом лице, девушка ответила:

— Да, верно, госпожа. Здоровенная толстуха. И рот у ней поганый. Она такие гадости говорила, госпожа...

— Вот и хорошо, что ты затолкала эти гадости ей обратно в глотку, девочка моя. Вижу, кулак у тебя быстрый. Да и размах хороший.

Последнее замечание озадачило Джинни.

— Ты все правильно сделала, — продолжала старуха. — Иногда женщине приходится драться. Хорошо, что ты это умеешь.

Она подалась вперед, вперившись в Джинни темно-зелеными глазами. Утреннее солнце прогрело гостиную, и в его лучах плясали пылинки.

— Кто твои родители? — спросила хозяйка.

— Отец был шахтером. Он тому два года как погиб, когда шахту затопило. Мама умерла на следующий

год от лихорадки вместе с младшей сестренкой. Поэтому Кенни за мной и послал. И я вам очень благодарна, госпожа, что позволили мне приехать.

— Кенни слишком хороший человек, чтобы прозябать в плавильне, а если ты из его родни, то наверняка и сама хорошая. Да еще такая милая и красивая, что мои старые глаза радуются уже от одного твоего присутствия. И песни твои я слышу, дитя мое.

Джинни прикрыла рот ладонью:

— Простите. Я буду петь потише, чтобы не досаждать вам, госпожа. Там, откуда я родом, мы все время поем.

— Никогда не извиняйся за поэзию, девочка. И тем более не извиняйся за мистера Бёрнса. Он лучше всех на свете, хотя его бедное сердце было разбито. Наверное, его обидела какая-нибудь шотландская красotka вроде тебя, Джинни Бранд.

Девушка попыталась улыбнуться, но была слишком озадачена странными речами старухи и только порадовалась, когда та протянула ей руку и сказала:

— Помоги мне пересесть в кресло. Я устала сидеть на стуле.

Девушка взяла хозяйку за руку и поддержала ее, пока они шли через гостиную. Крошечная фигурка владелицы поместья казалась такой же невесомой, как и ее узловатые руки: она словно плыла, держась за руку Джинни, к креслу возле камина. Рядом с камином стоял тяжелый шкаф из темного дуба с блестящими стеклами, и пока старуха медленно опускалась в кресло, словно запоздалая апрельская снежинка, Джинни украдкой бросила взгляд внутрь. Там не было ни безделушек, ни фарфора — мейсенского или стаффордширского. Вместо этого посреди единственной полки на тонкой льняной салфетке было бережно уложено бронзовое колечко, а рядом с ним — обрывок выцветшей красной ленты.

На огромной стеклянной полке вещицы казались совсем крошечными и словно парили в воздухе.

Когда девушка снова посмотрела на старуху, та все еще улыбалась. Со стороны окна тихую гостиную заливал золотистый свет косых солнечных лучей, и все пространство вдруг наполнилось пляшущими искорками пылинок.

Хозяйка сказала:

— Ступай, позови Кенни. Пусть принесет нам чаю. Я хочу с тобой поговорить.

И когда Джинни направилась к двери, старуха произнесла вслух, не обращая ни к кому:

— Только я одна и осталась. Никого больше нет. Теперь все они — лишь старые песни.

Глава первая

В детстве я говорила на *блэк-кантри*¹, но не особо много. Я и сейчас неразговорчива. Меня называли унылой клячей: я вечно хмурилась и шагала тяжело и чуть пригнувшись, словно тяжеловоз, тянущий баржу с углем. Я и до сих пор хожу так же, только медленнее из-за возраста, больных костей и распухших костяшек пальцев, когда-то гладких и быстрых.

В пути мы иногда говорили по-цыгански, но и этого языка я уже не помню. Он совсем исчез из моей речи и памяти. Выветрился и рассеялся по дорогам, трактирам и ярмарочным полям. Но в голове все еще остаются песни, и они время от времени всплывают, когда слово, или звук, или знакомый акцент *блэк-кантри*, вдруг проскальзывающий среди американской речи, вызывают в памяти обрывки голосов, целые фразы и мелодии, услышанные или спетые мной самой, совсем мелкой девчонкой, которую выставили на продажу и которую купил Билли Перри. Глухой удар баржи о причальную стенку. Шелест каната по устою моста. Мягкий топот лошадиных копыт. Мамин плач в тот день, когда я шла на ярмарку, держа за руку Томми.

До той ярмарки родители много лет странствовали по дорогам и полям всей страны, от городов и деревень до торфяников и перелесков. Мы видели, как

¹ Диалект английского языка, распространенный в промышленном районе к северо-западу и западу от Бирмингема. — *Здесь и далее примеч. пер.*

леса вырубали на подпорки для шахт и шпалы для железных дорог, как спрямляли реки. Как угольные отвалы, кирпичные стены и каналы змеились по зеленым пастбищам, где совсем рядом еще оставались живые изгороди. Как в том месте, где все каналы сходятся к реке, поднялись к небу новые кирпичные дома и как все вокруг заполнилось илом, когда построили новые шлюзы и рабочие заложили кирпичом пропускные и сточные трубы. Как везли и устанавливали глыбы красного песчаника. Как в земле рыли ямы в поисках угля, глины и песка и как обжигали известняк в каменных печах, дымивших и светившихся ночь напролет.

Перед глазами все еще предстает бурая тропинка, по которой мы шли на ярмарку в лето после того, как Большой Том упал замертво под проливным дождем, пытаясь вместе с моими братьями Томми и Тэссом вытащить кибитку из сточной канавы.

Когда отец рухнул, словно подрубленное дерево, белый как молоко, ухватившись за грудь, мальчишки принялись плакать и кричать, а мы с мамой, Бенни, Мерси и Черити смотрели на них из-под холста, который держали над головой.

Кибитка накренилась, ее задняя часть задралась к небу, а Камешек, наш пони, бился и тянул недоуздок, боясь свалиться в канаву следом за повозкой. Томми и Тэсс вцепились в конец шеста, подсунутого под передние колеса, а Большой Том неподвижно лежал лицом вниз, и капли дождя колотили ему по спине.

В ту дождливую ночь, когда умер Большой Том, я прозрела. Я знала, что отец мертв и что его душа витает над нами, что выпученные от ужаса глаза пони, тянущего повозку из канавы, — отражение нашей собственной боязни оказаться в канаве и необходимости биться из последних сил за свою жизнь.

После этого я стала намного спокойнее. И чем спокойнее я становилась, тем больше мне открывалось. Я научилась парить, скользить над землей, и видеть, что к чему, и порхать как пушинка, и кружить над миром.

Мама рассказывала мне, как ставить шатер у остролиста, приветствовать вьюрков и малиновок, радоваться, когда чешется ладонь или нос, и стараться поутру встретить белую лошадь.

Большой Том умер в апреле, а когда мы в сентябре приехали на ярмарку, листва боярышника на живой изгороди вдоль дороги уже посерела, утратив свежесть, и местами стала бурой, а гроздья ягод из зеленых превратились в багровые, привлекая стаи воробьев. Крылья коноплянок пылали на солнце, последние ласточки носились над самой землей, готовясь пуститься в странствие по бескрайнему небу.

Листья дубов, склонившихся над тропинкой, по которой мы шагали, уже желтели; на ветвях было полно зеленых желудей. Мама говорила, что избытие желудей, фруктов и ягод предвещает суровую зиму. Я смотрела снизу вверх на листву, сквозь которую пробивалось яркое утреннее солнце, и тащила ревущую малышку Черити за руку следом за мамой на ярмарку, хотя не было у нас ни лошади на продажу, ни корзин, ни лент, ни вышивки — ничего.

Но, глядя на струящийся через кроны деревьев солнечный свет и слушая шелест воробьиных крыльев, я видела изнанку всего сущего и чувствовала — как ласточки чувствуют будущее путешествие, — что сегодня мне предстоит отправиться в дорогу.

Куда-то на другую сторону жизни, куда с трудом пробивается солнце.

Мы остановились и начали есть ягоды прямо с куста, потому что очень проголодались, а мама ждала нас, но сама не взяла ни единой ягодки. Она была

очень худая, если не считать большого живота, в котором рос новый младенец.

Внизу раскинулась узкая долина. Вдоль берегов каналов, насколько хватало глаз, тянулись ряды барж и суденышек. Над их трубами к ясному утреннему небу вились дымки от печей, на которых кипятили чай, а возле домика смотрителя шлюза над запрудой дородная девица застилала стол белой скатертью, готовясь продавать пирожки и булочки матросам с барж, идущим на ярмарку.

В поле рядом с каналом стояли привязанные к вбитым в землю стальным колышкам огромные кони-тяжеловозы, и мальчишки наполняли их поилки из кожаных ведер, в которых таскали воду из ручейка, сбегаящего по склону холма. Вода так сверкала на солнце, что приходилось зажмуривать глаза. Утро было солнечным, но на востоке в небе еще виднелся серпик луны. Спускаясь в долину, мы увидели мужчин, которые курили трубки возле большого стога свежего сена перед открытыми воротами, украшенными флагами и лентами.

Там же были работники пивоварни, катившие бочки от телеги, запряженной клейдесдальскими тяжеловозами. Кони нетерпеливо фыркали и били копытами, а пара мальчишек в белых куртках расставляла деревянные козлы. Высокая толстая тетка в ослепительно-белом переднике, надзиравшая за установкой, кричала и бранилась на мальчишек, а те поспешно двигали столы и раскладывали вокруг них тюки для сидения.

Траву в поле только что скосили, место для торгов обнесли веревкой, натянутой между железными кольями, а для аукциониста возвели небольшой помост из свежих желтых сосновых досок. В дальнем конце размещались лошади и пони всевозможных пород и размеров: всех их привели на продажу или обмен.

Животные стояли в загонах, где подручные конюхов расчесывали им гривы и чистили копыта.

В те годы я разбиралась в лошадях. Там были уэльские пони и кобы, шайры и клейдесдалы, ирландские коннемары, дейлы и феллы, кливленды и крупные, медового цвета суффолк-панчи. Там были и огромные тяжеловозы, тянущие баржи, и пони, волокущие тележки, и коренастые верховые для дворянских детей, и низкорослые лошадки для работы на рудниках и в полях, и костлявые старые клячи для живодерен.

Внизу широкую дорогу, что вела от города к шлюзу и запруде, постепенно заполнял поток торговцев и разносчиков, молочниц и табачников, тележек с горами яблок и груш, торговцев лентами и горшечников, воловьих упряжек, тащивших телеги с дровами. Вот рыботорговец и ледовщик везут на подводах огромные глыбы льда, укрытые мешковиной. Вот крепкие маленькие пони тянут яркие повозки, расписанные рыцарскими замками и цветами. Вот бродячие артисты едут в кибитках и фургонах с зеленым полотняным верхом. Вот торговцы модными безделушками, вот полная тележка спелой клубники, вот клоуны и кукольники с полосатыми шатрами и раскрашенными шестами, вот надрываются собаки в тележке, нагруженной бочонками с сидром. Попалились в толпе солдаты в ярко-алых мундирах с белыми кушаками и кавалеристы с перьями на касках, дамы в изящных широких юбках и деревенские простушки в муслиновых передниках. В людском море, стекавшемся к полю, было много девушек в лучших воскресных нарядах и красивых шляпках и мужчин в треуголках и цилиндрах. Я увидела, как одна дама остановилась, достала серебряную коробочку и втянула носом немного молотых пряностей, чтобы перебить окружающую вонь от конского навоза,

человеческого пота, открытых бочонков, пара, дыма и людей, справлявших нужду в живой изгороди.

А в ложбине, тянувшейся вдоль ручья, была огорожена веревками площадка для кулачных боев, которые начинались после окончания торгов. Рядом стояли палатки для бойцов и их окружения, а на воткнутых в землю шестах уже висели кошельки для всех желающих сделать ставки на результат боя. Еще до начала поединка народ уже думал о его исходе и был готов выкладывать денежки, чтобы узнать у букмекеров ставки и получить подсказку.

На платформе в дальнем углу расположилась кузница. В горне уже пылал огонь, и кузнец в кожаном фартуке высыпал из мешков уголь и раздувал пламя мехами, отчего над полем плыли облака серого дыма, запах которого мы чуяли даже на вершине холма, выстроившись рядом с матерью.

Черити, Мерси, и я, и Тэсс, и Бенни, и Томми, и моя мама, которую звали Кассия, — все мы были Лавриджами, как и наш отец Большой Том Лавридж. Происходили мы из народа *рома* и странствовали по земле, а *гаджо*² называли нас цыганами, оборванцами и бродягами, поскольку мы жили в кибитке и никогда не останавливались, не сидели на месте, работали по воскресеньям, и нас не пускали в церкви и часовни.

Девочки — Черити, Мерси и я — были без шляпок, мальчишки — без кепок. Все мы топали по пыльной тропинке босиком. На Тэссе, шедшем следом за Томми, были только нижняя рубашка и штаны, а на Бенни — вельветовые бриджи и холщовая безрукавка, в которых он спал прошлой ночью. Мы с Мерси и Черити носили длинные серые шерстяные платья с передниками, завязанными на бант за спиной. Мы

² У цыган — обозначение любых других народностей.

шли за мамой, выстроившись по возрасту, и хотя она пять месяцев как стала вдовой, еще через пару месяцев ожидался новый малыш, которого ей придется одевать и кормить. У Томми и Тэсса за спиной болтались узлы с нашим скарбом, увязанным в холстины, которые мы растягивали между деревьями по ночам, чтобы укрыться от непогоды.

Все последние месяцы мы недоедали, и в дороге нас постоянно преследовал голод. Он доводил до слез; от него пухли животы. По ночам Мерси все время хныкала. Малышка Черити молчала, и это было еще хуже: значит, она печальна, больна и угасает.

В последний раз мы ели два дня назад, когда жена фермера вынесла нам, сидевшим на обочине напротив ее ворот, каши и свежих яблок. Вокруг большого и просторного фермерского дома из красного кирпича с шиферной крышей был обнесенный забором сад, где росли яблони с крупными зелеными сладкими плодами. Фермерша сжалилась над нами, вереницей Лавриджей, что тащились по дороге без лошади и повозки, и, несмотря на запрет мужа кормить цыган и бродяг, принесла нам горшочек каши, ведро чистой воды и выдала по свежему зеленому яблоку.

После смерти Большого Тома мама стала попрошайничать и принимать еду и убежище, когда их предлагали. Камешек, наш старый пони, тоже умер через месяц под дождем, в сырости, пока мы все, дрожа от холода, сгрудились под навесом. Бедный Камешек... Мама говорила, что он очень скучал по хозяину. Когда не стало Большого Тома, пони зачах и умер от лошадиной лихорадки, и все мы стали чахнуть, и мама плакала у костра ночи напролет. Большого Тома мы похоронили у ограды церковного кладбища в Яксли, потому что не ходили в церковь и работали по воскресеньям и молодой викарий запретил хоронить отца на освященной земле. А бедного Камешка